



*Для Томми,  
который есть и всегда будет моим Сабином.*

*Эта книга для всех, кто выжил. Кто не сломлен.  
Вы можете любить и быть любимыми,  
несмотря на кажущуюся бесконечной  
жестокую природу бытия.  
Даже когда вы тонете и так глубоко под водой,  
всегда есть время, чтобы дотянуться до того,  
кто снова научит вас дышать.*





## Глава 1

# ОСНОВЫ

**Я** спотыкаюсь о первую ступеньку общежития и бесцеремонно падаю на бетон. Мгновение не двигаюсь, размышляя о том, что впившаяся в руку связка ключей должна причинить больше боли. Не говоря уже о коленях, принявших на себя основной удар.

— Прекрасно, — бормочу я, неуверенно поднимаясь и прислоняясь к двери. Тихо хихикаю и пытаюсь подобрать к замку ключ. Хорошая новость в том, что если со всей дури долбануться об пол, что, кажется, я только что и сделала, завтра, возможно, я хоть что-нибудь почувствую. Это же лучше, чем ничего не чувствовать, верно? Как вам такой серебряный луч надежды? Я прислоняюсь к огромной двери, чтобы не упасть. Погодите, что там дешевле серебра? Железо? Цинк? Может быть, цинковый луч надежды?

Мне потребовалось несколько неудачных попыток открыть замок, чтобы понять, что ключ от дома, в котором я выросла недалеко от Бостона, по понятным

причинам не откроет общежитие в Висконсине. Наконец я засовываю в скважину верный ключ и поворачиваю замок.

— Я открыла дверь! — победно шепчу я сама себе. Толстая металлическая дверь невыносимо тяжелая и плохо поддается моим усилиям, поэтому я больно ударяюсь плечом о дверную раму, пытаюсь проскользнуть в узкий проем. «Еще одна победа!» — словно в тумане думаю я. Завтра меня точно настигнет похмелье, и ушибы от мебели определенно принесут боль. Так что продолжим мои бесконечные поиски физических чувств и ощущений. Любых. Тем не менее, даже в моем совершенно нетрезвом состоянии, я знаю, что синяки от пьяной ночи едва ли можно назвать шагом в сторону положительных эмоций. Но, по крайней мере, хоть что-то. Что-то кроме пустоты. Это станет отвлечением, а отвлечение всегда приветствуется.

Лестничная клетка залита отвратительным флуоресцентным светом. Она пустая, хотя в это позднее время в любую минуту может объявиться один из моих пьяных сверстников, таща за собой девчонку на ночь. Я действительно не понимаю, как люди вообще спят друг с другом в кампусе. Любой, даже смутно привлекательный в обычной обстановке, становится значительно менее симпатичным на обратном пути в комнату общежития.

Пьяные глаза не годятся при таком ужасном освещении. Я прислоняюсь к стене на лестничной площадке второго этажа и достаю из кармана телефон. Отражение в маленьком черном экране подтверждает подозрения. Мои и без того непослушные пряди

выбились из хвоста, образуя кудрявый ореол, и даже в темном отражении в телефоне мне видны мешки под глазами. Я похожа на психа.

— Я похожа на психа! — кричу я, слыша эхо невнятных слов. Может, я всегда так выгляжу? Не то чтобы меня это волновало. На самом деле, я мало времени провожу перед зеркалом, да и вообще почти не занимаюсь своей внешностью. Я такая, какая есть, и на этом все. По большому счету это неважно. И никто не обращает внимания. Тем не менее, я все равно выгляжу как псих.

Добравшись до своей комнаты, я практически вваливаюсь в открытую дверь. К счастью, у меня нет соседки, которая могла бы пожаловаться на шумное появление. Она съехала несколько дней назад, предположительно, чтобы жить с не такой психопаткой, как я, а потому комната на двоих теперь вся принадлежит мне. Я не виню бедную девочку. Если вы собираетесь застрять в относительно небольшом кампусе за пределами Мэдисона, штат Висконсин, то лучше окружить себя веселыми людьми.

Я прохожу по темной комнате, пинаю нечто, очень похожее на учебник по антропологии, и заваливаюсь на матрас. О, ирония в том, что я заменила свою однопальную кровать в общежитии полноразмерным матрасом. Любой при виде его может подумать, что я вожу домой парней.

Но я неудачница в этой области. «Добавьте это в чертов список», — говорю я сама себе. Я упустила кучу парней из кампуса, с которыми знакомилась по пьяни, а потом отшивала еще до того, как что-либо могло произойти. Мысль о чужих руках на моем теле

вызывает тошноту. Это ненормально. Я понимаю. Вот почему, напившись, у меня всегда появляется идея, что секс без обязательств это забавно и заманчиво. Ради всего святого, решишь я когда-нибудь на такое, сразу окажусь в хорошей компании. Множество моих двадцатиднолетних сверстников тайком возвращались домой в предзакатные часы. Я слышала, как эти якобы постыдные ночи со смехом пересказывались со всеми грязными подробностями.

При желании я могу завлечь парня. Алкоголь мне помогает. И парни ведутся, хоть я и понятия не имею почему. Полагаю, это естественно — хотеть общаться с другими людьми. Вот только мне не хотелось. Совершенно. Наверное, поэтому у меня нет настоящих друзей. Но я пью и играю свою роль, питая надежду, что самовнушение работает, и что если достаточно долго притворяться, то можно вновь почувствовать себя полноценным человеком. Поначалу это занятие доставляет мне удовольствие, но к концу ночи, когда реальность возвращается и меня охватывает невыносимое одиночество, становится еще хуже.

Знаю, не очень умно охмурять парней, а потом сбегать, когда они пытаются прикоснуться к тебе. Но у меня своя стратегия. Частенько я мямлю о том, что я девственница — откровение, которое эффективно подавляет интерес большинства парней. Это открытие в некотором роде меня забавляет. Я считала, что парням должна нравиться идея оказаться первым у девушки. Не нужно изображать акробатические трюки и все такое, раз уж я ничего не знаю. Но похоже, что в целом умные, порядочные парни в этом маленьком

гуманитарном колледже посреди заснеженного Висконсина не хотят нести ответственность за лишение девственности пьяной студентки. Поди их разбери. В любом случае, я стараюсь не допускать никаких физических контактов, хотя и отчаянно желаю найти выход, пусть и временный. Видит бог, мне все равно не понравится, учитывая, что мое либидо как у камня.

Поэтому я добавила фригидность в список. Этот тупой мысленный перечень, который изо всех сил стараюсь не вести.

Все более длинный список моих недостатков. Моих слабостей. Провалов.

Разве не должен тогда существовать и список достижений? Или хотя бы...

Чего-то нормального? Я пытаюсь сосредоточиться. Чертов ликер все усложняет, но я стараюсь. Это важно.

Я не ужасный студент.

Регулярно моюсь.

Много знаю о приливах.

Ем почти все, кроме изюма.

Господи. Снова мысли разбежались. Может, я и пьяная, но способна на большее.

Я овладела искусством меланхолии.

У меня сомнения относительно того, можно ли это даже смутно считать «достижением». Я снова задумываюсь, намереваясь найти что-то стоящее признания.

*Я выжила.*

Смех, срывающийся с моих губ, ужасен. Резкий звук эхом разносится по пустой комнате. Я настоящий гребаный Гарри Поттер! Я взвизгиваю:

— Черт!

Сажусь и скидываю обувь. Телефон все еще в руке, и я тупо смотрю на него.

*Я никогда не брошу брата.*

По крайней мере, это должно оказаться в хорошем списке. Не думая о том, что говорить, я хватаю телефон и звоню брату.

— Господи, Блайт. Чего ты хочешь? — ворчит Джеймс.

— Извиняюсь. Я тебя разбудила, да?

— Да, разбудила. Сейчас три часа ночи.

— Разве это поздно? Ты ведь тоже в колледже учишься. Думала, ты только пришел домой. — Я жду, но он ничего не говорит. — Как учеба? Как нога? Держу пари, с каждым днем ты становишься только сильнее.

— Учеба нормально, и отвали с вопросами о ноге, ладно? При каждом разговоре задаешь их. Хватит. Лучше уже не будет, а это дерьмово. Прекрати спрашивать. — Мой брат зевает. — Серьезно, ложись спать. — Явное раздражение и отвращение в его голосе прожигают меня насквозь.

— Джеймс, пожалуйста. Прости. — Проклятье. Я не могу скрыть пьяные нотки в своем голосе. — Мы никогда не разговариваем. Я хочу слышать твой голос. Удостовериться, что у тебя все в порядке.

Он вздыхает.

— Да. Я в порядке, насколько это возможно. А вот ты, судя по голосу, настоящая катастрофа.

— Ха, как мило.

— Очень. — Джеймс замолкает. — Маме с папой это дерьмо не понравилось бы. Ты это знаешь. Можешь просто?.. Давай в другой раз?

— Я так сожалею обо всем. Мне нужно, чтобы ты знал. Действительно знал об этом. У тебя все может наладиться. Я хочу...

— Не надо. Не сейчас. Не снова. Мы больше не будем начинать этот гребаный разговор.

— Ладно. — Я гляжу в темноту за окном. Сейчас предрассветные часы конца сентября, и я знаю, что грядет. Ничего хорошего. Одно и то же каждый год. — Конечно, Джеймс.

От нелепой попытки изобразить веселье и беззаботность мой голос прерывается.

— Поговорим потом. Береги себя, Джеймс.

Что ж, все прошло хорошо. Я и не ожидала лучше. Пьяные ночные звонки обречены на провал. Я в курсе, потому что уже делала так раньше. Трагедия в том, что после каждого звонка брату по пьяни я решаю, что следующий разговор пройдет более гладко. Но даже если позвонить днем в трезвом состоянии, лучше не выходит. Разговор получается натянутым и неловким.

Я тяжело вздыхаю и включаю приложение фонарика на телефоне. Мне оно нравится, можно выбрать не обычный белый свет, а любой, какой взбредет в голову. Я кладу телефон на постель, и он частично освещает комнату призрачным синим светом.

Когда я встаю и шаркаю к маленькой раковине, то чувствую, как подпитываемая алкоголем энергия окончательно покидает тело. После нескольких попыток мне, наконец, удастся завязать длинные спутанные волосы в пучок на макушке. Несколько прядей выбиваются и свисают на лицо. Я не в силах смотреть на себя — на девушку, в которой осталось так мало

ДЖЕССИКА ПАРК

надежды. Которая настолько непростительно слаба. Я стыжусь собственной неспособности сделать что-то лучше. Я клянусь хотя бы следующие сутки провести без выпивки.

Вода из-под крана ледяная. Проходит минута за минутой, пока я набираю в ладони воду и выливаю себе на лицо, и не прекращаю, пока не останавливается горячий поток слез.



## Глава 2

# ВАЖНЫЕ ПОСТУПКИ

**Ш**есть часов утра в субботу — для меня не самое подходящее время для пробуждения. Я недовольно смотрю на часы. Что ж, ничего не поделаешь. Я не сплю. Мой выбор — либо встать и пережить этот день, либо остаться в постели и провести следующие несколько часов, погружаясь в неприятный и знакомый водоворот мыслей, паники, депрессии и апатии, преследовавшие меня последние четыре года. Лучше выбираться из постели. Я моргаю в темноте и поражаюсь, как устала и как мало во мне желания бороться.

Его отсутствие явно проявилось вчера, когда я встретила с моим пятым, и предположительно последним, научным руководителем, какой-то женщиной по имени Трейси. Женщиной, которая, кажется, возомнила, будто способна с легкостью поправить мои дела в колледже. Она определенно не понимает, с кем имеет дело. Или, может быть, забыла учесть, что у меня есть только восемь месяцев, чтобы дотянуть до выпуска.